

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ХАМИЛА ИСАЕВА ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба №6846/02)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

15 ноября 2007 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

2 июня 2008 года

По делу «**Хамила Исаева против России**»

Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой в составе:

г-н Л. Лукаидес, *Председатель*,

г-жа Н. Вайич,

г-н Ковлер,

г-жа Е. Штайнер,

г-н Х. Хаджиев,

г-н Д. Шпильманн,

г-н Дж. Малинверни, *судьи*,

и г-н С. Нильсен, *Секретарь Секции*,

проведя закрытое заседание 23 октября 2007 года,

вынес в тот же день следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№6846/02) против Российской Федерации, поданной в Суд 28 декабря 2001 года в соответствии со статьёй 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») г-жой Хамилой Алиевной Исаевой («заявительница»), гражданкой Российской Федерации.

2. Интересы заявительницы, которой была предоставлена частичная компенсация расходов, связанных с ведением дела, представляли юристы фонда «Правовая инициатива по России» (“SRJI”), неправительственной организации, базирующейся в Нидерландах и имеющей представительство в России. Правительство, являющееся ответчиком, было представлено г-ном П. Лаптевым, Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявительница утверждала, в частности, что ее муж исчез после его задержания военнослужащими в Чеченской Республике. Она ссылалась на статьи 2, 3, 5, 6 и 13.

4. 29 августа 2004 года Суд принял решение применить Правило 41 Регламента Суда.

5. Решением от 24 октября 2006 года Суд признал жалобу приемлемой.

6. Проконсультировавшись со сторонами, Палата решила, что проведение слушания по существу дела не требуется (Правило 59 §3), стороны в письменном виде ответили на объяснения друг друга.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Заявительница родилась в 1961 году. Она проживала в селе Алхан-Кала (также известном как Ермоловка) в Грозненском районе, а в настоящее время проживает в Грозном, Чечня.

А. Факты

1. Предыстория дела

Заявительница и её муж, г-н Султан Исаев, 1961 года рождения, проживали в селе Алхан-Кала Грозненского района. У них четверо детей. Заявительница – бухгалтер, а ее муж был сварщиком. Он служил в Советской армии, став командиром танкового батальона. С середины 1990-х годов он работал в строительстве в качестве каменщика, а также механиком. В 1990-х годах г-н Султан Исаев перенёс две хирургические операции, на кишечнике и в связи с аппендицитом, и нуждался в еще одной, на позвоночнике, но не мог себе её позволить.

8. В начале октября 1999 года Российское Правительство начало проводить контртеррористическую операцию в Чеченской Республике.

9. В ноябре 1999 года заявительница и её семья уехали в Ингушетию, где они остановились в селе Вознесенское. Родители г-на Султана Исаева остались в Алхан-Кале в их доме по адресу: Железнодорожная улица, дом 65.

10. 27 апреля 2001 года муж заявительницы вернулся в Алхан-Калу навестить своих родителей и остановился в их доме, что он ранее регулярно делал. Заявительница с детьми осталась в Вознесенском, поэтому она не была очевидцем событий, связанных с арестом ее мужа.

2. Расследование убийства родственников заявителей

(а) Задержание мужа заявительницы

11. 29 апреля 2001 года в селе Алхан-Кала российские военные проводили специальную операцию («зачистку») с участием нескольких бронетранспортеров (БТР) и военных вертолетов.

12. 29 апреля 2001 года г-н Султан Исаев пошел навестить Магомадовых, соседей его родителей, проживавших по адресу: Железнодорожная улица, дом 63. Вместе с владельцем дома они мылись в бане Магомадовых, представлявшей собой небольшое строение, расположенное во дворе дома.

13. Отец г-на Султана Исаева находился в своём доме по адресу: Железнодорожная улица, дом 65, когда около 13:30 он увидел на улице группу из

восемью либо десяти тяжело вооруженных солдат. Он стоял в открытых воротах своего дома и спросил, хотят ли они осуществить проверку внутри. В ответ они приказали ему войти внутрь и выстрелили ему перед ногами. Он подчинился, заметив, что солдаты затем пошли вниз по улице к дому Магомадовых, где находился его сын. Отец г-на Султана Исаева описывал эти события следующим образом:

«Войдя в дом, я начал смотреть через окно на улицу. Два БТР подъехали к тому самому дому, где мой сын мылся в бане... Еще примерно десять человек вышли из БТР; двое из них остались на улице, а остальные зашли во двор. Там было около пятнадцати человек. Примерно через полчаса они быстро вышли, и я увидел, как в БТР заталкивают двух гражданских лиц, то есть владельца дома, г-на Шерипа Магомадова, который был одет, и моего сына, который был полуголым.

В руках старших [военнослужащих] я заметил два или три паспорта. Среди них я узнал темно-синюю обложку паспорта моего сына.

Когда они уехали, я немедленно побежал в дом, где был мой сын, и там я увидел сломанную дверь бани и одежду моего сына – его свитер, рубашку, брюки и обувь. Владельца дома там не было; вещи были разбросаны повсюду, на полу».

14. Заявительница представила несколько показаний соседей, которые подтвердили, что около двадцати вооруженных солдат, прибывших на двух БТР, ворвались в дом Магомадовых и задержали владельца дома и г-на Султана Исаева, который был выведен голым из бани. Один из соседей заявил, что он видел мужчину, убегающего от федеральных солдат, который забежал в дом Магомадовых, солдаты последовали за ним, а затем задержали троих мужчин, находившихся в доме. Свидетели также показали, что задержание мужчин сопровождалось огнестрельной стрельбой.

15. Согласно данным Правительства, 29 апреля 2001 года федеральные силы проводили в Алхан-Кале специальную операцию. Во время этой операции группа неустановленных вооруженных лиц прибыла к дому Магомадовых по адресу: Железнодорожная улица, дом 63, посадила мужа заявительницы и еще двух человек в БТР и увезла их в неизвестном направлении.

16. 29 апреля 2001 года в Алхан-Кале были задержаны в общей сложности десять мужчин, в возрасте от 25 до 45 лет. Сильно обезображенное тело одного из них было найдено спустя две недели, в то время как все остальные по настоящий момент остаются пропавшими без вести.

(б) Сообщения средств массовой информации

17. 1 мая 2001 года информационное агентство «Франс-Пресс», ссылаясь на сведения российского информационного агентства «ИТАР-ТАСС», сообщило:

«Российские силы сообщили... ими была уничтожена группа повстанцев под командованием полевого командира Арби Бараева, одного из наиболее безжалостных боевиков в Чечне. ... В ходе операции несколько повстанцев были убиты и 20 арестованы, когда российские силы окружили деревню Ермоловка, где окопались повстанцы Бараева. ... Группа была уничтожена... после нескольких дней боёв, а 27-летнему Бараеву удалось скрыться».

18. В бюллетене Объединенной группировки войск федеральных сил (ОГВ) в Чечне сообщалось, что в начале мая 2001 года «во время операции вблизи п. Алхан-

Кала специальные силы разгромили «бойцов Бараева», большая группа «братьев по оружию» убийцы была задержана, а активные члены банды были ликвидированы».

3. Розыск г-на Султана Исаева заявительницей

19. 29 апреля 2001 года родственники задержанных мужчин направились в военную комендатуру, где военный комендант сказал им, что солдаты под его командованием не принимали участия в «зачистке» и что он не имеет никакой информации о задержанных. Согласно данным заявительницы, местный военный комендант не принимал никакого участия в планировании либо осуществлении операции, и вполне вероятно, что он сам был задержан федеральными военнослужащими, осуществлявшими её. Вскоре после событий военный комендант был переведен из Алхан-Калы.

20. 2 мая 2001 года заявительница, которая в то время была в Ингушетии, узнала о задержании своего мужа и немедленно поехала в Чечню разыскивать его.

21. Она координировала свои действия с родственниками других пропавших мужчин. Неоднократно, как лично, так и в письменной форме, она обращалась к прокурорам различных уровней, в Министерство внутренних дел, исполнительные органы государственной власти в Чечне, к Специальному представителю Президента РФ по обеспечению прав и свобод человека в Чеченской Республике, в средства массовой информации и к общественным деятелям. В своих письмах заявительница излагала обстоятельства задержания г-на Султана Исаева и просила содействия, а также информации о ходе расследования.

22. Официальные органы не предоставили заявительнице практически никакой содержательной информации о ходе расследования исчезновения г-на Султана Исаева. Несколько раз она и родственники других задержанных получали копии писем, указывавших, что их запросы направляются в различные органы прокуратуры.

23. Около 2 мая 2001 года заявительница пошла в мэрию Грозного и встретила с г-ном Мусой Джабраиловым, заместителем мэром. Как указывает заявительница, это должностное лицо, утверждавшее, что оно является офицером Федеральной службы безопасности (ФСБ), имело информацию об обстоятельствах задержания её мужа и, услышав имя её мужа, он предположительно воскликнул, что, действительно, этот человек был «тем самым с банкой пива в бане». Заявительница указала, что заместитель мэра сообщил, что было возбуждено уголовное дело в связи с организацией незаконного вооруженного формирования и что её муж был арестован в рамках данного дела. Он также сослался на какого-то следователя, ведущего расследование дела, но отказался сообщить имя следователя. Заместитель мэра также сказал заявительнице, что задержанные находятся в Ханкале, главной российской военной базе в Чечне. Он предположительно заверил её, что её муж и шестеро либо семеро других будут освобождены сразу после 10 мая 2001 года, когда вернется мэр Грозного.

24. После этого заявительница поехала в Алхан-Калу и встретила там со своим свекром, который, совместно с другими родственниками без вести пропавших, нанял автобус и объезжал различных должностных лиц, пытаясь разыскать задержанных.

25. 15 мая 2001 года заявительница была в Алхан-Кале во время другой «зачистки». Солдаты сказали женщинам в селе, что в реке находится труп, и одна из женщин опознала тело, у которого отсутствовали голова и одна нога, как

принадлежащее своему сыну, г-ну Абурахману Лорсанову, задержанному 29 апреля 2001 года. Она опознала его по одежде, которая была на нём в день ареста. Он был похоронен через два дня, без проведения медицинского осмотра либо судебно-медицинской экспертизы. Заявительница утверждала, что на теле имелись несколько ножевых и огнестрельных ранений.

26. После 15 мая 2001 года ряд родственников лиц, задержанных 29 апреля 2001 года, обратились с письмом к Генеральному прокурору. Они указывали на обнаружение тела г-на Абурахмана Лорсанова, прося предоставления информации о без вести пропавших членах их семей и требуя проведения расследования арестов.

27. Позже в мае 2001 года родственники связались с человеком, которого заявительница обозначила как «посредника из Ханкалы», главной федеральной военной базы в Чечне, и предложили заплатить деньги за освобождение задержанных мужчин. Ему помогли три других человека, которых заявительница также называла «посредниками».

28. Как указывает заявительница, посредники из Ханкалы подтвердили, что лица, задержанные 29 апреля 2001 года, содержатся на военной базе и предложили родственникам собрать 1000 долларов США за каждого задержанного для их освобождения. Как указывает заявительница, во время переговоров родственники также платили 1000 российских рублей в день посреднику, который предположительно передавал деньги охранникам задержанных. Некоторое время спустя он сказал заявительнице и другим родственникам, что он не может организовать освобождение членов их семей. Через три недели родственники предложили тем же людям по 1500 долларов США за человека и четыре недели спустя один из посредников сообщил, что г-н Султан Исаев и г-н Шерип Магомадов вскоре будут освобождены.

29. В конце мая 2001 года заявительница и другие родственники наконец получили подтверждение от одного из посредников, наняли автобус и направились в оговоренное место. Как отмечает заявительница, в связи с тем, что распространились слухи о сделке, на то же место прибыли прокурор Чеченской Республики и двое следователей, поэтому сделка не состоялась в связи с таким «общественным вниманием». «Посредник из Ханкалы» был арестован, но спустя несколько дней он был освобожден, после чего отказался участвовать в дальнейших переговорах, заявив, что задержанные в любом случае были переведены в другое место. Один из других посредников был предположительно убит через несколько дней, когда его машину обстреляли на дороге.

4. Официальное расследование

30. 4 мая 2001 года прокуратура Грозненского района возбудила уголовное дело по факту исчезновения десяти человек, в том числе мужа заявительницы, в Алхан-Кале по пунктам «г» и «ж» части 2 статьи 127 Уголовного кодекса России (незаконное лишение свободы двух или более лиц, совершенное с применением оружия). Делу был присвоен номер 19051.

31. 13 мая 2001 года военная прокуратура – войсковая часть 20102 в Ханкале заявила в ответ на запрос из прокуратуры Грозненского района, что силами Министерства внутренних дел либо Министерства обороны 29 апреля 2001 года не

проводилось никаких специальных операций и что лица, перечисленные в запросе, не задерживались.

32. 3 июня 2001 года прокуратура Грозненского района запросила у национального российского телевизионного канала «РТР» предоставления копии новостной программы от 30 апреля 2001 года, в которой сообщалось об операции 29 апреля 2001 года в Алхан-Кале.

33. 22 июня 2001 года родственники задержанных вновь обратились с письмом к Генеральному прокурору. Они указывали на новостные программы, сообщавшие, что в конце апреля в Алхан-Кале проводилась специальная операция и что за её успешное проведение был повышен в звании и награжден генерал Баранов. Они также просили сообщить информацию о ходе расследования.

34. 23 июня 2001 года прокуратура Чеченской Республики ответила на запрос Специального представителя Президента России по обеспечению прав и свобод в Чеченской Республике относительно десяти человек, задержанных в Алхан-Кале. В письме указывалось, что прокуратурой Грозненского района возбуждено уголовное дело и принимаются все меры по установлению виновных лиц и определению местонахождения похищенных лиц.

35. 1 августа 2001 года г-жа Малика Умажева, глава администрации Алхан-Калы, обратилась с письмом к командующему ОГВ. Она указала, что 28 и 29 апреля 2001 года в селе проводилась специальная операция («зачистка»), в результате которой были взорваны несколько домов, несколько людей были задержаны и увезены. Она перечислила номера шести БТР, принимавших участие в операции. Она также указала, что через две недели после задержания тело одного из задержанных было обнаружено в реке, в то время как остальные пропали без вести. Она просила оказания содействия в розыске задержанных. Малика Умажева была убита 29 ноября 2002 года в своём доме неустановленными лицами, использовавшими огнестрельное оружие.

36. 3 сентября 2001 года Генеральная прокуратура ответила одному из родственников пропавших мужчин, что за ходом расследования осуществляет надзор ее главное управление в Южном федеральном округе.

37. В сентябре 2001 года в 12-м промежуточном докладе Генерального секретаря Совета Европы о ситуации в Чечне (SG/Inf(2002)29) было отмечено, что «по делу об исчезновении десяти граждан села Алхан-Кала во время зачистки 19-21 апреля 2001 года глава местной администрации безуспешно запрашивала у военного прокурора информацию о ходе расследования». Как отмечает заявительница, доклад содержит ошибку относительно дат проведения операции.

38. 4 октября 2001 года заявительница получила копию письма прокуратуры Чеченской Республики, адресованного прокуратуре Грозненского района, в котором ей были даны инструкции по проведению дополнительного расследования по уголовному делу №19051, возбужденному в связи с незаконным задержанием нескольких жителей Алхан-Калы. Материалы уголовного дела, содержащие 123 страницы, были указаны в качестве приложения.

39. 15 октября 2001 года заявительница обратилась в прокуратуру Чеченской Республики с письмом, в котором она воспроизводила подробности ареста её мужа. Она просила возбудить уголовное дело в отношении исчезновения г-на Султана Исаева, а также предоставить ей информацию о его местонахождении.

40. Решением от 18 октября 2001 года Октябрьский районный суд Грозного установил юридический факт безвестного отсутствия мужа заявительницы с 29 апреля 2001 года.

41. 22 октября 2001 года прокуратура Чеченской Республики ответила заявительнице, что уголовное дело было возбуждено и расследуется прокуратурой Грозненского района. В письме не содержалось каких-либо дополнительных подробностей.

42. 24 октября 2001 года заявительнице было сообщено письмом из Правительства Чеченской Республики, что в связи с её жалобой Министерству внутренних дел Чеченской Республики было поручено принять все необходимые меры для установления местонахождения г-на Султана Исаева.

43. 31 октября 2001 года заявительница связалась с Управлением ФСБ по Чеченской Республике, прося содействия в обнаружении своего мужа. Она сослалась на заявления заместителя мэра Грозного, г-на Джабраилова, относительно того, что он является офицером ФСБ и имеет информацию об уголовном деле, связанном с задержанием её мужа.

44. 6 ноября 2001 года Управление ФСБ по Чеченской Республике ответило заявительнице, что у него нет информации о десяти исчезнувших лицах и что г-н Муса Джабраилов не служит в ФСБ.

45. 3 декабря 2001 года Специальный представитель Президента России по обеспечению прав и свобод в Чеченской Республике, действуя от имени заявительницы, запросил у прокуратуры информацию о расследовании.

46. В апреле 2002 года «Хьюман Райтс Уотч» опубликовал доклад, озаглавленный «Без вести задержан: В Чечне по-прежнему исчезают люди». Он содержит информацию о задержании и исчезновении нескольких мужчин из Алхан-Калы и указывает на то, что предположительно продолжающееся расследование не принесло никаких результатов.

47. 8 сентября 2002 года расследование уголовного дела №19051 было приостановлено в связи с невозможностью установления лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых.

48. 9 октября 2002 года прокуратура Грозненского района выдала заявительнице справку, в которой она была названа потерпевшей по уголовному делу №19051, возбужденному в связи с исчезновением ее мужа 29 апреля 2001 года. Согласно данным заявительницы, постановление о признании её потерпевшей оформлено не было.

49. 15 февраля 2003 года заявительница обратилась с письмами в прокуратуру Грозненского района, прокуратуру Чеченской Республики, Генеральную прокуратуру, военную комендатуру Грозненского района и в Управление Федерации по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в ЧР. Она указала, что её муж был увезен во время «зачистки» 29 апреля 2001 года и что расследование уголовного дела, возбужденного в этой связи, дважды приостанавливалось. Заявительница также запросила у заинтересованных органов власти оказания ей содействия в продолжающемся розыске её мужа.

50. Письмом от 18 марта 2003 года прокуратура Чеченской Республики сообщила заявительнице, что 4 мая 2001 года прокуратурой Грозненского района было возбуждено уголовное дело в связи с «незаконным задержанием

военнослужащими федеральных сил» ряда жителей Алхан-Калы, включая г-на Султана Исаева, в ходе «специальной операции». В письме далее указывалось, что следственным органом не удалось установить, какие государственные органы участвовали в задержании жителей села, вследствие чего 8 сентября 2002 года расследование было приостановлено; вместе с тем, 26 февраля 2003 года оно было возобновлено, и в настоящее время принимаются меры по розыску пропавших без вести лиц и установлению виновных. Затем в письме заявительнице предлагалось обратиться в прокуратуру Грозненского района за объяснениями относительно расследования.

51. 5 апреля 2003 года заявительница в письменной форме обратилась в прокуратуру Чеченской Республики, прося предоставить ей статус потерпевшей.

52. 17 апреля 2003 года SRJI от имени заявительницы запросил у прокуратуры города Грозного предоставления информации относительно результатов расследования после его возобновления 26 февраля 2003 года. Он также запросил направления заявительнице копии постановления о признании её потерпевшей. В отсутствие ответа запрос был вновь направлен 26 июня и 27 августа 2003 года.

53. В неопределённую дату расследование исчезновения г-на Султана Исаева и нескольких других жителей Алхан-Калы было приостановлено; оно было возобновлено 24 апреля 2003 года.

54. 6 мая 2003 года прокуратура Чеченской Республики направила запрос заявительницы в прокуратуру Грозненского района, сообщив ей о последнем постановлении о возобновлении расследования, и заявила о том, что поиск мужчин, задержанных 29 апреля 2001 года и лиц, участвовавших в совершении данного правонарушения, продолжается.

55. 26 июня, 2 и 27 августа 2003 года заявительница и SRJI, действуя от её имени, обращались в прокуратуру Грозненского района с просьбой предоставить заявительнице статус потерпевшей и сообщить ей последнюю информацию о результатах расследования.

56. Письмом от 22 сентября 2003 года прокуратура Чеченской Республики сообщила заявительнице, что расследование уголовного дела №19051 было возобновлено 17 сентября 2003 года и что расследование осуществляется прокуратурой Чеченской Республики. В письме также указывалось, что 31 июля 2003 года статус потерпевшего был предоставлен свекру заявительницы, что она сама никогда не ходатайствовала о признании её потерпевшей по делу и что она должна обратиться в ту же прокуратуру для того, чтобы было вынесено постановление о признании её потерпевшей.

57. 31 октября 2003 года заявительница запросила у прокуратуры Чеченской Республики предоставления ей статуса потерпевшей по уголовному делу №19051. В ответ прокуратура сообщила письмом от 11 декабря 2003 года, что для признания потерпевшей она должна лично явиться в прокуратуру Чеченской Республики и что расследование уголовного дела №19051 было приостановлено в связи с невозможностью установления лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых, но розыск её мужа продолжается.

58. По данным заявительницы в ходе расследования она получила только две повестки из прокуратуры Грозненского района, датированные 15 и 18 октября 2002 года, хотя она неоднократно посещала прокуратуру по своей собственной инициативе.

Она указала, что во время своих посещений прокуратуры она безуспешно просила признать её потерпевшей.

59. В январе 2004 года, после получения письма от 11 декабря 2003 года, заявительница посетила прокуратуру Чеченской Республики, ходатайствуя о признании её потерпевшей. Предположительно ей было сказано, что следователь, ведущий дело, отсутствует, и что ни один другой человек не обладает полномочиями принять такое решение. Заявительница вновь посетила прокуратуру Чеченской Республики в феврале 2004 года и поговорила со следователем, ведущим дело. Предположительно он отказался предоставить заявительнице статус потерпевшей, сославшись на то, что уголовное дело относительно исчезновения её мужа было передано в военную прокуратуру – войсковую часть 20102 в Ханкале. Предположительно следователь отказался сообщить заявительнице дату передачи дела либо выдать ей какой-либо документ в подтверждение её посещения.

60. В конце апреля либо начале мая 2004 года заявительница посетила военную прокуратуру – войсковую часть 20102. Как указывает заявительница, должностные лица этой прокуратуры сначала отказывались разговаривать с ней либо впускать её внутрь. Через некоторое время заявительнице было позволено войти в помещение военной прокуратуры, и ей удалось поговорить с полковником Евгением Поддубным, помощником прокурора военной прокуратуры при ОГВ. Как указывает заявительница, полковник Поддубный выразил удивление тем, что она до сих пор не была признана потерпевшей по делу №19051, заявив, что сейчас уже 2004 год, в то время как уголовное дело было возбуждено в 2001 году, поэтому маловероятно, что теперь ей будет предоставлен статус потерпевшей либо что следственным органам удастся определить лиц, участвовавших в похищении г-на Султана Исаева, учитывая, что срок их военной службы в Чечне давно истек, и они вернулись на места своей постоянной дислокации. Затем полковник Поддубный, по просьбе заявительницы, написал на кусочке бумаги, что материалы дела были получены военной прокуратурой ОГВ 8 апреля 2004 года. Заявительница представила в Суд копию этой справки.

61. Заявительница также подала письменное ходатайство в канцелярию прокуратуры о предоставлении ей статуса потерпевшей и информации о ходе расследования. Она заявила, что ей было сказано, что ответ будет направлен по месту её работы, но на настоящий момент она не получила никаких писем. Во время их разговора полковник Поддубный сказал, что заявительница должна быть благодарна, что она встретила с ним в прокуратуре, потому что ни один другой сотрудник не дал бы ей никаких объяснений и потому что он поможет ей выйти из помещения. Он также сказал ей, что ей повезло войти в помещение военной прокуратуры, но ей повезёт ещё больше, когда ей удастся выйти оттуда, и что в следующий раз ей следует воздержаться от посещения Ханкалы. Затем полковник Поддубный приказал другому офицеру сопроводить заявительницу за территорию Ханкалы, после чего явиться к нему.

62. Заявительница указала, что она боялась вновь посещать военную прокуратуру – войсковую часть 20102, даже несмотря на то, что она не получила никаких писем, сообщающих ей о расследовании.

63. Правительство предоставило нижеизложенную информацию о ходе расследования.

64. 30 апреля 2004 года расследование было вновь приостановлено в связи с невозможностью установления лиц, совершивших правонарушение. Впоследствии оно было возобновлено 22 ноября 2004 года.

65. 6 декабря 2004 года дело приняла к своему производству прокуратура Чеченской Республики. В тот же день следователь постановил произвести выемку определенных документов из архивов ФСБ, Министерства внутренних дел, Министерства обороны, а также других неопределённых документов в отношении специальной операции, проведённой в Алхан-Кале 28 и 29 апреля 2001 года, и задержанных лиц.

66. 7 декабря 2004 года следователь поручил военному прокурору города Москвы и военному прокурору Подольского гарнизона произвести выемку документов. Прокурорам было также поручено допросить бывшего военнослужащего Л. (Правительством не было сообщено ни его полное имя, ни почему его показания могут иметь отношение к делу) и военнослужащих войсковой части 74507 об их участии в специальной операции.

67. 8 декабря 2004 года следственные органы осмотрели плёнку, предоставленную телеканалом «РТР», с его репортажем от 30 апреля 2001 года. Репортаж не дал никакой новой информации о специальной операции в Алхан-Кале.

68. 8 и 20 декабря 2004 года следователь поручил военной прокуратуре ОГВ, Главной военной прокуратуре и военной прокуратуре Северо-Кавказского военного округа допросить военнослужащих войсковой части 74507.

69. 18 декабря 2004 года военная прокуратура Владикавказского гарнизона допросила У. (Правительством не было сообщено ни его полное имя, ни занимаемая должность). У. заявил, что дивизия, которой он командовал, оцепила Алхан-Калу и оставалась за её пределами. Он не обладал никакой информацией о каком-либо задержании жителей села.

70. 22 декабря 2004 года прокуратура Камышинского гарнизона допросила С. и К., которые не сообщили никакой имеющей отношение к делу информации (Правительством не были сообщены ни их полные имена, ни какая-либо информация об их личности).

71. 23 декабря 2004 года прокуратура Чеченской Республики допросила Е., жителя Алхан-Калы, чей сын был задержан 29 апреля 2001 года вместе с девятью другими людьми. Он сообщил, что получил информацию о том, что его сын содержится в исправительной колонии. Вместе с тем, по итогам расследования властями информация оказалась недостоверной.

72. 6 января 2005 года расследование было приостановлено в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых.

73. Заявительница утверждала, что 16 мая 2005 года она направила идентичные обращения Президенту и Председателю Правительства Чеченской Республики, прося оказания содействия в установлении местонахождения её мужа. 20 июня 2005 года ей было сообщено, что её обращение к Президенту было направлено военному прокурору ОГВ.

74. 26 июля 2005 года военная прокуратура – войсковая часть 20102 направила ответ заявительнице. В ответе указывалось, что уголовное дело №19051 о незаконном лишении её мужа свободы неустановленными вооруженными людьми было возбуждено 4 мая 2001 года. Если будет установлено, что в совершении преступления

участвовали военнослужащие, об этом будет незамедлительно сообщено заявительнице. Заявительнице также было предложено направлять все запросы относительно расследования в прокуратуру Гудермеса.

75. Согласно данным Правительства, 27 декабря 2006 года прокуратура Чеченской Республики отменила постановление от 6 января 2005 года и возобновила расследование.

76. Остаётся неясным, была ли заявительница в конце концов признана потерпевшей по уголовному делу.

5. Запрос Суда о предоставлении материалов дела

77. Когда жалоба была коммуницирована Правительству-ответчику, Суд запросил у него предоставления копии всех материалов уголовного дела №19051. Вместе с тем, несмотря на конкретный запрос Суда, Правительство не предоставило никаких документов из материалов дела №19051, процитировав ответ Генеральной прокуратуры о том, что раскрытие документов будет являться нарушением статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса, так как материалы дела содержат информацию военного характера и персональные данные свидетелей и других участников уголовного судопроизводства.

78. 24 октября 2006 года Суд признал жалобу приемлемой и повторил свой запрос о предоставлении копии материалов уголовного дела №19051. Суд также запросил информацию о ходе расследования после ноября 2004 года.

79. В ответ Правительство предоставило информацию о ходе расследования, но не документы из материалов дела. Им было повторено, что раскрытие документов будет являться нарушением статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса, так как дело содержит информацию, связанную с военными операциями, а также персональные данные участников уголовного судопроизводства.

Б. Документы, представленные сторонами

1. Документы, представленные заявительницей

(i) Свидетельские показания

80. Заявительница представила следующие свидетельские показания в отношении событий 29 апреля 2001 года: свидетельское показание отца г-на Султана Исаева относительно ареста его сына 29 апреля 2001 года, соответствующая часть которого цитировалась выше, в параграфе 13. Также были представлены свидетельские показания г-на С. Х., г-жи А и г-жи С., проживавших на Железнодорожной улице в Алхан-Кале и бывших соседями г-на Султана Исаева и г-на Шерипа Магомадова, и свидетельские показания г-на С. Х., г-на Х. Х. и г-жи Л. Ш., жителей Железнодорожной улицы в Алхан-Кале.

81. Согласно показаниям г-на С. Х., в тот день в селе проводилась «зачистка». В операции участвовали пять вертолетов и двадцать БТР. Весь день он слышал выстрелы, и несколько домов были взорваны федеральными силами. Когда перестрелка приблизилась к их улице, все постарались укрыться в собственных подвалах. Мать г-на Шерипа Магомадова укрылась в том же подвале, что и г-н С. Х. Она сказала, что её сын пошёл в баню и не знает о «зачистке». Когда она (видимо,

вместе с матерью г-на Султана Исаева) попыталась пойти к сыну, военнослужащие выстрелили по ногам и приказали уйти, в результате чего она была вынуждена вернуться в подвал. Когда военнослужащие ушли, те, кто укрывался в подвале, пошли в баню, однако там не было ни г-на Султана Исаева, ни г-на Шерипа Магомадова, осталась лишь их одежда. Затем их родственники и соседи пошли в местную военную комендатуру, где им сказали, что Султан и Шерип отправлены в Ханкалу, и они вернутся на следующий день после допросов.

82. Согласно показаниям г-жи А., около полудня 29 апреля 2001 года она увидела два БТР, едущих вниз по улице. Они остановились у ворот Магомадовых. Через забор, за которым она пряталась вместе со своей сестрой, она увидела восемнадцать военнослужащих, выбирающихся из БТР. Затем её сестра увидела, как в БТР затащили троих мужчин. После того, как военнослужащие уехали, выяснилось, что они забрали с собой г-на Султана Исаева, г-на Шерипа Магомадова и еще одного жителя села, который позднее бежал.

83. Согласно показаниям г-жи С., 29 апреля 2001 года в селе осуществлялась «зачистка». Когда два БТР появились на их улице и начали стрельбу, все женщины и дети побежали искать укрытие в своих подвалах. Она не направилась к подвалу, так как её ребенок был в доме. Вместо этого она спряталась за забором. Через забор она видела, как около двадцати военнослужащих вломились в дом её соседей и стали громить всё внутри. Затем они вытащили г-на Султана Исаева и г-на Шерипа Магомадова из бани и, нанося им удары, затащили их в БТР. В ходе операции военнослужащие также забрали других мужчин.

84. Согласно показаниям г-на С. Х., г-на Х. Х. и г-жи Л. Ш., после того, как г-н Султан Исаев приехал в Алхан-Калу 27 апреля 2001 года навестить своих родителей, он был задержан федеральными военнослужащими в ходе специальной операции 29 апреля 2001 года вместе с несколькими другими жителями села, причины задержания сообщены не были. Достоверность показаний была подтверждена главой администрации Алхан-Калы 15 октября 2001 года.

(ii) Обращения в органы государственной власти и их ответы

85. Заявительница представила копии её обращений в различные государственные органы и их ответов, изложенные выше в разделе «Факты».

(iii) Другие документы

86. Заявительница представила копии сообщений средств массовой информации, изложенные выше, в параграфах 17-18. Она также представила доклады относительно ситуации в Чеченской Республике в соответствующий период, подготовленные Генеральным секретарем Совета Европы, правозащитным центром «Мемориал» и организацией «Хьюман Райтс Уотч».

2. Документы, представленные Правительством

87. Правительство приложило ряд писем из различных судов в России о том, что заявительницей не подавались жалобы на предположительно незаконное задержание её мужа либо не оспаривались в суд действия или бездействия следственных и других правоохранительных органов.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

88. До 1 июля 2002 года уголовно-правовые вопросы регулировались Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР (Российской Советской Федеративной Социалистической Республики), принятым в 1960 году. 1 июля 2002 года старый кодекс был заменен Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

89. Статья 161 нового Уголовно-процессуального кодекса устанавливает правило о недопустимости разглашения данных предварительного расследования. Согласно части 3 указанной статьи, данные предварительного расследования могут быть переданы гласности только с разрешения прокурора или следователя и только в том объеме, в каком это не нарушает прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и не противоречит интересам расследования. Разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия запрещено.

90. Статья 46 Конституции России гарантирует каждому судебную защиту прав и свобод. Она также предусматривает, что решения и действия (или бездействие) органов государственной власти и местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд.

91. Закон об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан (в редакции Федерального закона от 14 декабря 1995 года), предусматривает, что каждый гражданин имеет право подать жалобу в суд, если он или она считает, что его либо её права были нарушены незаконным действием или решением государственного органа, органа местного самоуправления либо учреждения, предприятия или ассоциации, общественного объединения, должностного лица или государственного служащего.

92. Согласно статье 5 Закона об оперативно-розыскной деятельности, лицо, полагающее, что его права и свободы были нарушены органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, вправе обжаловать эти действия в вышестоящий орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, прокурору либо в суд.

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

А. Аргументы сторон

93. Правительство просило Суд признать жалобу неприемлемой, так как заявительницей не были исчерпаны доступные ей внутригосударственные средства правовой защиты. Со ссылкой на статью 46 Конституции России, статью 5 Закона об оперативно-розыскной деятельности и Закон об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан, Правительство утверждало, что у заявительницы имелась возможность подать жалобы в суды различных регионов России либо напрямую в Верховный Суд России на предположительно незаконное задержание её мужа и на действия либо бездействия следственных или других правоохранительных органов, но она не воспользовалась этим средством правовой защиты. Правительство приложило ряд писем из различных высших судов в России, указывающих, что заявительницей никогда не подавались такие жалобы в соответствующие суды. Правительство также утверждало, что власти дважды

приглашали заявительницу явиться в прокуратуру Чеченской Республики для предоставления ей статуса потерпевшей, но она не являлась.

94. Заявительница оспорила возражение Правительства. Она заявила, что административная практика, состоящая в продолжающейся неспособности властей проводить адекватные расследования правонарушений, совершенных представителями федеральных сил в Чечне, сделала все потенциально эффективные средства правовой защиты неадекватными и иллюзорными в её деле. В этой связи она сослалась на жалобы, поданные в Суд другими физическими лицами, утверждающими, что они являются жертвами схожих нарушений, и на документы правозащитных неправительственных организаций и Совета Европы. Заявительница утверждала, что в любом случае она неоднократно обращалась в правоохранительные органы, включая различных прокуроров, и активно участвовала в расследовании. Однако этот путь показал свою бесполезность, учитывая, что уголовное расследование к настоящему времени продолжается более шести лет, но так и не смогло установить лиц, замешанных в незаконном задержании и исчезновении г-на Султана Исаева, несмотря на убедительные доказательства участия в этом федеральных военнослужащих. Заявительница также утверждала, что Правительство не смогло продемонстрировать, что жалоба в суд на действия либо бездействия следственных органов являлась бы эффективным средством правовой защиты в её ситуации. Она заявила, что согласно национальному праву суд, рассматривая такую жалобу, мог бы обязать следственные органы возобновить расследование похищения её мужа либо осуществить определенные следственные действия. В этой связи она указала, что расследование похищения её мужа несколько раз возобновлялось после её жалоб вышестоящим прокурорам; несмотря на это, на данный момент оно не дало никаких результатов. Таким образом, заявительница утверждала, что жалобы в суд на следователей не изменили бы ситуацию, поэтому она не была обязана использовать это средство правовой защиты. Она также сослалась на сложившуюся практику Суда в отношении того, что в любом случае власти должны осуществлять расследование по своей собственной инициативе, как только вопрос был передан на их рассмотрение, не перекладывая инициативу по осуществлению каких-либо следственных действий на ближайших родственников. Заявительница также отрицала утверждение Правительства о том, что она не явилась в прокуратуру Чеченской Республики и что это воспрепятствовало следователям предоставить ей статус потерпевшей. Она утверждала, что неоднократно письменно и лично обращалась в различные органы прокуратуры в Чечне, но ей так и не был предоставлен статус потерпевшей.

Б. Оценка Суда

95. Суд отмечает, что в своём решении от 24 октября 2006 года он посчитал, что вопрос исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты так близко связан с сутью жалоб заявительницы, что он должен быть соединен с рассмотрением дела по существу.

96. Суд подчеркивает, что правило об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты в соответствии с п.1 статьи 35 Конвенции обязывает заявителей сначала использовать средства правовой защиты, которые доступны и достаточны во внутригосударственной правовой системе, для того, чтобы обеспечить им получение возмещения за предполагаемые нарушения. Существование средств

правовой защиты должно быть достаточно определено как в теории, так и на практике, в противном случае им будет не хватать требуемых доступности и эффективности. П.1 статьи 35 также требует, чтобы жалобы, которые предполагается впоследствии представить в Суд, были бы заявлены в соответствующий внутригосударственный орган, по крайней мере, по существу и в соответствии с формальными требованиями и сроками, предусмотренными внутригосударственным правом, а также, чтобы были использованы любые процессуальные средства, могущие предотвратить нарушение Конвенции. Вместе с тем, нет обязательства обращаться к тем средствам правовой защиты, которые являются неадекватными либо неэффективными (см. «Аксой (*Aksoy*) против Турции», постановление от 18 декабря 1996 года, Сборник Постановлений и Решений 1996-VI, стр. 2275-2276, пп. 51-52; «Акдивар (*Akdivar*) и другие», приведено выше¹, стр. 1210, пп. 65-67; и, позднее, постановление от 27 июня 2006 года по делу «Ченнет Айхан (*Cennet Ayhan*) и Мехмет Салих Айхан (*Mehmet Salih Ayhan*) против Турции», №41964/98).

97. Правительство, утверждающее, что внутригосударственные средства правовой защиты не были исчерпаны, обязано указать Суду с определённой точностью те средства правовой защиты, к которым не обратились заявители, и объяснить Суду, что они являлись в соответствующий период времени эффективными и доступными, как в теории, так и на практике, то есть, что имелась возможность обратиться к ним, они могли предоставить возмещение в отношении жалоб заявителя и что имелись разумные перспективы успеха (см. «Акдивар и другие», приведено выше, стр. 1211, п. 68, или «Ченнет Айхан и Мехмет Салих Айхан», приведено выше, п. 65).

98. В той мере, в какой предварительное возражение Правительства затрагивает необжалование заявительницей незаконного задержания своего мужа, Суд отмечает, что после того, как он был увезён вооружёнными людьми 29 апреля 2001 года, заявительница активно пыталась установить его местонахождение и обращалась в различные официальные органы (см. выше, параграфы 19-29), в то время как власти отрицали даже факт задержания ими г-на Султана Исаева (см. выше, параграф 31). При таких обстоятельствах, в особенности в отсутствие какого-либо подтверждения самого факта задержания, даже если предположить, что средство правовой защиты, указанное Правительством, было доступно заявительнице, более чем сомнительно, имела бы жалоба в суд на не признанное властями задержание мужа заявительницы какие-либо перспективы успеха. Кроме того, Правительство не продемонстрировало, что указанное им средство правовой защиты могло бы предоставить возмещение в ситуации заявительницы, а именно, что оно привело бы к освобождению г-на Султана Исаева и установлению и наказанию несущих ответственность лиц.

99. В той части, в какой Правительство утверждало, что заявительница не жаловалась в суд на действия или бездействия следственных либо других правоохранительных органов, Суд отмечает, что Правительство сослалось на ряд внутригосударственных правовых актов, гарантирующих право на обжалование в суд действий или бездействий государственных органов и должностных лиц.

¹ Видимо, техническая ошибка по тексту постановления; имеется в виду постановление по делу «Акдивар и другие против Турции», постановление от 16 сентября 1996 года, Сборник 1996-IV (прим. переводчика)

100. В той мере, в какой эта часть предварительного возражения Правительства касается жалоб, которые могли бы быть поданы заявительницей вне рамок уголовного дела, Правительство не представило ни доказательств того, что данное средство правовой защиты было доступно заявительнице на практике, ни какого-либо объяснения того, как оно могло обеспечить заявительнице адекватное возмещение. Таким образом, Правительство не обосновало своё утверждение о том, что средство правовой защиты, которое заявительница предположительно не исчерпала, было эффективным.

101. В той мере, в какой эта часть предварительного возражения Правительства касается жалоб, которые могли бы быть поданы заявительницей в рамках уголовного дела, Суд отмечает, что доступность и перспективы успеха этого средства правовой защиты в значительной степени зависели от того, была ли заявительница надлежащим образом извещена о ходе расследования. Суд полагает, что эти вопросы тесно связаны с вопросом эффективности расследования, и таким образом наиболее подходящим является их рассмотрение при изучении существа жалоб заявительницы по статье 2 Конвенции (см. ниже, параграф 135).

II. ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

102. Заявительница жаловалась на то, что в отношении г-на Султана Исаева была нарушена статья 2 Конвенции. Она утверждала, что обстоятельства его задержания, отсутствие каких-либо новостей о нём с тех пор и обнаружение двумя неделями спустя тела одного из задержанных вместе с ним со следами насильственной смерти указывают на то, что он тоже был убит федеральными силами. Она также заявила, что статья 2 была нарушена в своем процедурном аспекте, так как не было проведено эффективное расследование обстоятельств задержания и исчезновения её мужа.

Статья 2 Конвенции предусматривает:

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- a) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- c) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа»

А. Предполагаемое нарушение права на жизнь г-на Султана Исаева

1. Доводы сторон

103. Заявительница утверждала, что вне разумных сомнений мужчины, задержавшие и уведшие её мужа 29 апреля 2001 года, представляли федеральные силы, так как тот факт, что эти силы проводили специальную операцию в Алхан-Кале в соответствующий день, был подтвержден показаниями очевидцев, представленными заявительницей, и признан Правительством в его объяснениях. Соответственно, заявительница утверждала, что после своего ареста г-н Султан Исаев находился под

контролем государства. Она утверждала, что аргумент Правительства о том, что г-н Султан Исаев не значился среди лиц, содержащихся под стражей, лишь подтверждает, что жизнь её мужа была в опасности после того, как он был арестован, так как в Чечне была широко распространена практика того, что сразу после своего задержания представителями государства люди немедленно либо через короткий период времени убивались, а не доставлялись в места содержания под стражей.

104. Заявительница таким образом подчеркнула, что её муж был задержан при опасных для жизни обстоятельствах и утверждала, ссылаясь на статью 2 Конвенции, что тот факт, что он остаётся пропавшим без вести с 29 апреля 2001 года подтверждает, что он был убит. Она также заявила, что специальная операция, проведенная в вышеуказанную дату, не была надлежащим образом подготовлена, и властями не осуществлялся надзор за соблюдением требований статьи 2 Конвенции в ходе её проведения.

105. Правительство объяснило, что 29 апреля 2001 года федеральные силы проводили специальную операцию в Алхан-Кале, направленную на задержание участников незаконных вооруженных формирований. В течение этого дня группа неустановленных вооруженных лиц вошла в дом по адресу: Железнодорожная улица, дом 63, и увела г-на Султана Исаева, г-на Шерипа Магомадова и г-на Х. Ими также были задержаны семеро других жителей села. Вместе с тем, расследование этих событий продолжается по настоящий момент и, до установления следственными органами обстоятельств исчезновения г-на Султана Исаева, нет оснований утверждать, что его право на жизнь было нарушено представителями государства.

106. Правительство далее утверждало, что только действительное убийство может рассматриваться как лишение жизни для целей статьи 2 Конвенции и что нет оснований полагать, что г-н Султан Исаев либо другие жители Алхан-Калы, задержанные 29 апреля 2001 года, на самом деле мертвы, учитывая, что факт их смертей не был подтвержден судами в соответствии с внутригосударственным правом.

2. Оценка Суда

(а) Общие принципы

107. По делам, в которых существуют противоречащие друг другу версии событий, Суд при установлении фактов неизбежно сталкивается с теми же сложностями, что и любой суд первой инстанции. Когда, как в данном деле, Правительство-ответчик имеет эксклюзивный доступ к информации, способной подтвердить либо опровергнуть утверждения заявителя, любой недостаток содействия со стороны Правительства без удовлетворительного объяснения может стать основанием для выводов об обоснованности таких утверждений заявителя (см. «Таниш (*Taniş*) и другие против Турции», №65899/01, п. 160, ECHR 2005-...).

108. Суд отмечает, что в его практике выработан ряд принципов, применимых в ситуациях, когда он вынужден решать задачу установления фактов, относительно которых между сторонами имеется спор. Что касается спорных фактов, Суд повторяет позицию, сформировавшуюся в его судебной практике, согласно которой при оценке доказательств применению подлежит стандарт доказывания «вне разумных сомнений» (см. «Авшар (*Avşar*) против Турции», №25657/94, п. 282, ECHR 2001-VII

(извлечения)). Достижение такого стандарта доказывания может являться следствием сосуществования достаточно сильных, ясных и согласующихся друг с другом выводов из имеющихся фактов либо схожих неопровергнутых презумпций относительно фактов. В этом контексте должно приниматься во внимание поведение сторон при получении доказательств (см. «Таниш и другие», приведено выше, п. 160).

109. Суд со вниманием относится к соблюдению принципа субсидиарности и признаёт, что он должен быть осторожен в принятии на себя роли суда первой инстанции, действуя таким образом только в тех случаях, когда обстоятельства конкретного дела делают это неизбежным (см., например, решение от 4 апреля 2000 года о приемлемости жалобы по делу «МакКерр (*McKerr*) против Великобритании», №28883/95). Тем не менее, когда выдвигаются обвинения по статьям 2 и 3 Конвенции, Суд должен особенно тщательно рассматривать факты (см., с учётом контекста, постановление от 4 декабря 1995 года по делу «Рибитш (*Ribitsch*) против Австрии», Серии А №336, п. 32; и «Авшар против Турции», приведено выше, п. 283), даже если уже были осуществлены определённые внутригосударственные меры и следственные действия.

110. Когда власти обладают полной либо значительной частью информации о соответствующих событиях, как в делах, по которым задержанные лица находятся под их контролем, возникают сильные фактические презумпции в отношении телесных повреждений и смерти, произошедших во время содержания под стражей. В самом деле, бремя доказывания может считаться возложенным на власти, которые должны предоставить удовлетворительное и убедительное объяснение (см. постановление от 27 августа 1992 года по делу «Томаси (*Tomasi*) против Франции, Серии А №241-А, стр. 40-41, пп. 108-111; «Рибитш», приведено выше, п. 34; и постановление Большой палаты по делу «Сельмуни (*Selmouni*) против Франции», №25803/94, п. 87, ECHR 1999-V).

111. Эти принципы применимы также к делам, по которым хотя не доказано, что лицо было задержано властями, но возможно установить, что он или она вошли в место под их контролем, после чего пропали без вести. В таких обстоятельствах Правительство должно предоставить правдоподобное объяснение тому, что произошло в помещениях под его контролем, и показать, что соответствующее лицо не было задержано властями, а покинуло помещения без последующего лишения свободы (см. «Таниш», приведено выше, п. 160).

112. В заключение, если внутригосударственными судами рассматривалось уголовное дело по тем же самым обвинениям, следует иметь в виду, что уголовно-правовая ответственность отличается от международно-правовой ответственности по Конвенции. К компетенции Суда относится рассмотрение вопросов о международно-правовой ответственности. Ответственность по Конвенции основывается на её собственных положениях, которые должны толковаться и применяться на основе целей Конвенции и в свете соответствующих принципов международного права. Ответственность государства по Конвенции за действия его органов, представителей и служащих не следует путать с внутригосударственными правовыми вопросами индивидуальной уголовной ответственности, которые подлежат рассмотрению национальными уголовными судами. В этом смысле Суд не стремится сделать каких-либо выводов о виновности либо невиновности (см. «Авшар», приведено выше, п. 284).

(б) Установление фактов

113. Заявительница утверждала, что 29 апреля 2001 года её муж, г-н Султан Исаев, был задержан российскими военнослужащими, а затем исчез. Она предложила Суду сделать выводы об обоснованности её обвинений, основываясь на непредоставлении Правительством запрошенных у него документов. В подтверждение своих обвинений заявительницей были представлены показания шести свидетелей, в том числе отца её мужа и пяти других жителей Алхан-Калы. Свидетелями было изложено последовательное описание специальной операции, проведенной в селе 29 апреля 2001 года, и заявлено, что г-н Султан Исаев был задержан военнослужащими, участвовавшими в операции. Согласно показаниям трех очевидцев, они видели, как г-на Султана Исаева затолкали в БТР российские военнослужащие.

114. Правительство подтвердило, что 29 апреля 2001 года в Алхан-Кале проводилась специальная операция, направленная на задержание участников незаконных вооруженных формирований. Им также не отрицалось, что в тот же день г-н Султан Исаев был похищен неизвестными вооруженными людьми. Вместе с тем, Правительство сослалось на отсутствие выводов продолжающегося расследования и отрицало, что государство несет ответственность за исчезновение мужа заявительницы.

115. Суд отмечает, что, несмотря на его неоднократные запросы копии материалов уголовного дела по похищению г-на Султана Исаева, Правительство не предоставило вообще никаких документов по делу. Правительство сослалось на статью 161 Уголовно-процессуального кодекса. Суд отмечает, что в предыдущих делах он уже устанавливал, что это объяснение является недостаточным для объяснения удержания ключевой информации, запрошенной Судом (см. «Имакаева (*Imakayeva*) против России», №7615/02, п. 123, ECHR 2006-... (извлечения)).

116. С учётом этого и вышеизложенных принципов, Суд полагает, что он может сделать выводы из поведения Правительства в этом отношении. Суд считает, что заявительницей представлена последовательная и убедительная картина задержания её мужа 29 апреля 2001 года. Даже несмотря на то, что она сама не была очевидцем событий, ею были получены показания шести свидетелей, указывающие на участие вооруженных сил либо сил безопасности в похищении.

117. Суд отмечает, что Правительством не отрицается факт похищения г-на Султана Исаева вооруженными людьми, одновременно им было подтверждено, что в селе в день его похищения проводилась специальная операция. Тот факт, что большая группа вооруженных мужчин в форме и на военных транспортных средствах при свете дня задержала несколько человек в их домах в селе во время специальной операции, проводимой правительственными силами, подтверждает утверждение заявительницы о том, что они являлись государственными военнослужащими.

118. В обстоятельствах настоящего дела и учитывая тот факт, что в течение шести лет внутригосударственное расследование не дало никаких ощутимых результатов, Суд не считает объяснения, предоставленные Правительством, достаточными для того, чтобы подвергнуть серьёзному сомнению утверждения заявительницы.

119. Соответственно Суд полагает, что имеющиеся доказательства позволяют ему считать доказанным, что 29 апреля 2001 года г-н Султан Исаев был задержан государственными военнослужащими.

(в) Выполнение государством статьи 2

120. Суд рассмотрел объяснение заявительницы, согласно которому в сложившихся обстоятельствах её муж должен считаться умершим, и аргумент Правительства о том, что его смерть не была подтверждена внутригосударственными судами и, следовательно, не имеется оснований для такой презумпции.

121. Суд отмечает, что о муже заявительницы ничего достоверно не известно с 29 апреля 2001 года. Учитывая свой вывод, сделанный выше, в параграфе 119, о том, что г-н Султан Исаев был задержан государственными военнослужащими, Суд отмечает, что его имя не было обнаружено в данных ни одного из мест содержания под стражей. Более того, Правительством не было представлено никакого правдоподобного объяснения того, что случилось с ним после его задержания.

122. Учитывая предыдущие дела об исчезновении людей в Чечне, рассмотренные Судом (см., например, «Имакаева», приведено выше, и «Лулуев (*Lulujev*) и другие против России», №69480/01, ECHR 2006-... (извлечения)), Суд полагает, что, в контексте конфликта в Чеченской Республике, если лицо задерживается неустановленными военнослужащими без какого-либо последующего подтверждения задержания, это может рассматриваться как угрожающая жизни ситуация. Отсутствие г-на Султана Исаева либо каких-нибудь новостей от него в течение более чем шести лет подтверждает это предположение, которое также в основном подтверждается фактом обнаружения мертвым спустя две недели одного из жителей села, который также исчез во время специальной операции (см. выше, параграф 25). Более того, Правительство не предоставило никакого объяснения исчезновения г-на Султана Исаева, а официальное расследование его похищения, тянувшееся более шести лет, не дало никаких ощутимых результатов.

123. По вышеуказанным причинам Суд полагает, что г-н Султан Исаев должен считаться погибшим после его непризнанного задержания. Следовательно, затрагивается вопрос ответственности государства-ответчика. Учитывая, что властями не приведено ни одно обоснование в отношении использования смертоносной силы их представителями, из этого следует, что ответственность за его предполагаемую смерть несёт Правительство, являющееся ответчиком.

124. Соответственно, по данному основанию в отношении г-на Султана Исаева было допущено нарушение статьи 2.

Б. Предполагаемая неадекватность расследования похищения г-на Султана Исаева

1. Доводы сторон

125. Заявительница утверждала, что властями не выполнена их обязанность по осуществлению эффективного расследования обстоятельств исчезновения её мужа. Она утверждала, что расследование не соответствовало требованиям национального права и конвенционным стандартам. В частности, оно продолжается более шести лет, но так и не дало никаких ощутимых результатов, неоднократно приостанавливаясь и

возобновляясь. Более того, следственные органы не уведомляли заявительницу о решениях приостановить и возобновить расследование и о его ходе. В ходе расследования заявительница просила предоставить ей статус потерпевшей, но не получила никаких ответов на данные запросы. В обоснование своего аргумента о неэффективности расследования заявительница также сослалась на отказ Правительства предоставить ей копию материалов уголовного дела в отношении исчезновения её мужа. В своих объяснениях, представленных после вынесения Судом решения о приемлемости жалобы, заявительница подтвердила, что статус потерпевшей ей так и не был предоставлен.

126. Правительство подтвердило, что расследование настоящего дела неоднократно приостанавливалось и возобновлялось, и лица, совершившие преступление, пока не установлены, но утверждало, ссылаясь на мнение Генеральной прокуратуры, что расследование соответствовало конвенционному требованию эффективности. В своих объяснениях, представленных в Суд после вынесения им решения о приемлемости жалобы, Правительство отметило, что заявительница, являясь потерпевшей по уголовному делу, могла иметь доступ к тем материалам дела, которые могли быть предоставлены ей для ознакомления на данной стадии производства по делу. Им не было представлено никаких документов, подтверждающих предоставление статуса потерпевшей заявительнице.

2. Оценка Суда

(а) Общие принципы

127. Обязанность защищать право на жизнь по статье 2 Конвенции, во взаимосвязи с общей обязанностью государства по статье 1 Конвенции «обеспечива[ть] каждому, находящемуся под [его] юрисдикцией, права и свободы, определенные в... Конвенции», также требует проведения какой-либо формы эффективного официального расследования в случае гибели людей в результате применения силы (см., с учетом контекста, «МакКанн и другие», приведено выше², стр. 49, п. 161, и постановление от 19 февраля 1998 года по делу «Кайя (*Kaya*) против Турции», Сборник 1998-I, стр. 329, п. 105). Существенной целью такого расследования является обеспечение эффективной имплементации национального законодательства, защищающего право на жизнь, и, по делам, связанным с участием представителей государства либо государственных органов, привлечение их к ответственности за смерти, за которые они должны нести ответственность. Какая форма расследования достигнет этих целей, может варьироваться в различных обстоятельствах. Вместе с тем, какая бы форма ни использовалась, власти обязаны действовать по собственной инициативе, как только им станет известно о соответствующем случае. Они не могут перекладывать на ближайших родственников инициативу как по подаче формальной жалобы, так и по осуществлению соответствующих следственных действий (см. постановление Большой палаты по делу «Ильхан (*Ilhan*) против Турции», №22277/93, п. 63, ECHR 2000-VII).

128. Для того чтобы расследование предполагаемого незаконного убийства представителями государства было эффективным, в целом считается необходимым,

² Имеется в виду постановление от 27 сентября 1995 года по делу «МакКанн и другие против Великобритании», Серии А №324 (прим. переводчика)

чтобы лица, ответственные за него и ведущие расследование, были независимы от тех, кто вовлечен в соответствующие события (см., например, постановление от 27 июля 1998 года по делу «Гюлеч (*Gulec*) против Турции», Сборник 1998-IV, пп. 81-82). Расследование также должно быть эффективным в том смысле, что оно должно быть способно привести к установлению того, была или не была сила, использованная в таких делах, обоснована обстоятельствами (см., например, «Кайя», приведено выше, стр. 324, п. 87), и к определению и наказанию виновных лиц (см. «Огур (*Ogur*)», приведено выше³, п. 88). Это обязательство не результата, а средств. Власти должны сделать возможные для них разумные шаги для обеспечения доказательств относительно происшествия, включая, в частности, показания очевидцев (см., например, постановление Большой палаты по делу «Танрикулу (*Tanrikulu*) против Турции», №23763/94, п. 109, ECHR 1999-IV). Любой недостаток в расследовании, подрывающий его способность установить причину смерти либо виновных лиц, может привести к несоответствию этому стандарту.

129. В этом контексте, также должно существовать требование своевременности и разумной скорости. Следует принять, что могут существовать препятствия или трудности, препятствующие ходу расследования определенной ситуации. Вместе с тем, своевременное расследование властями использования смертоносной силы может в целом рассматриваться как существенное в поддержании уверенности общества в верховенстве права и препятствующее возникновению представления о сговоре или толерантном отношении к незаконным действиям (см. «Танрикулу», приведено выше, п. 109).

130. Более того, должен существовать достаточный элемент общественного контроля за расследованием либо его результатами, для обеспечения подотчетности как на практике, так и в теории. Уровень общественного контроля может различаться от дела к делу. Вместе с тем, во всех делах ближайшие родственники жертвы должны иметь возможность участвовать в процедуре в той степени, которая необходима для обеспечения защиты их законных интересов (см. «МакКерр (*McKerr*) против Великобритании», №28883/95, п. 148, ECHR 2001-III).

(б) Применение в настоящем деле

131. Суд отмечает, что расследование исчезновения г-на Султана Исаева после его задержания 29 апреля 2001 года, начатое 4 мая 2001 года, было отмечено необъяснимыми изъянами, выразившимися в невыполнении наиболее существенных задач в ситуации, когда своевременные действия жизненно необходимы. Судя по всему, родственники заявительницы и жители села, ставшие свидетелями задержания г-на Султана Исаева вооруженными военнослужащими, вообще не были допрошены. Следственные органы допросили нескольких военнослужащих, хотя из информации, предоставленной Правительством, неясно, какое отношение их показания имели к расследованию. В то же время, судя по всему, не был допрошен ни один из военнослужащих, напрямую участвовавших в специальной операции в Алхан-Кале 29 апреля 2001 года. Лишь эти изъяны подорвали эффективность расследования и оказали негативное воздействие на перспективы установления истины. Похоже, что

³ Видимо, техническая ошибка по тексту постановления; имеется в виду постановление Большой палаты от 20 мая 1999 года по делу «Огур (*Ogur*) против Турции, №21594/93, ECHR 1999-III (прим. переводчика)

властями не было предпринято никаких реальных попыток по установлению подразделений, участвовавших в операции, и, в конце концов, местонахождения и судьбы г-на Султана Исаева.

132. Что касается метода осуществления расследования, Суд отмечает, что в течение шести лет оно приостанавливалось и возобновлялось, по меньшей мере, четыре раза. Остаётся неясным, был ли предоставлен заявительнице статус потерпевшей по делу. Правительство утверждало, что он был предоставлен, однако в подтверждение этого не было представлено никаких документов. В любом случае, заявительнице надлежащим образом не сообщалось о ходе расследования. Ей не предоставлялось почти никакой информации относительно следственных действий, а о приостановлении и возобновлении расследования ей либо сообщалось со значительным опозданием, либо вообще не сообщалось.

133. Учитывая часть предварительного возражения Правительства, соединенную с существом жалобы, Суд отмечает, что заявительница, не имея доступа к материалам дела и не будучи надлежащим образом информированной о ходе расследования, не могла эффективно обжаловать действия либо бездействия следственных органов в суд. Более того, учитывая, что эффективность расследования уже была значительно подорвана на его ранних стадиях неосуществлением властями необходимых и срочных следственных действий, очень сомнительно, что данное средство правовой защиты имело бы какие-либо перспективы успеха. Соответственно, Суд полагает, что указанное Правительством средство правовой защиты в данных обстоятельствах является неэффективным и отклоняет его предварительное возражение относительно неисчерпания заявительницей внутригосударственных средств правовой защиты в контексте расследования уголовного дела.

134. В свете изложенного, Суд полагает, что властями не было проведено эффективное уголовное расследование обстоятельств исчезновения и предполагаемой смерти г-на Султана Исаева. Следовательно, по этому основанию также имело место нарушение статьи 2.

III. ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

135. Заявительница объяснила, что у неё имеются основания полагать, что г-н Султан Исаев подвергся обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, после его ареста и что по данному вопросу не было проведено эффективное расследование. Заявительница также жаловалась на то, что она пережила серьёзные моральные страдания и мучения, приравняемые к дурному обращению в сфере применения статьи 3, которая предусматривает:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Предполагаемое нарушение статьи 3 в отношении г-на Султана Исаева

1. Доводы сторон

136. В своих объяснениях, поданных до вынесения Судом решения приемлемости жалобы, заявительница утверждала, что имеются серьёзные основания полагать, что её муж подвергся дурному обращению после того, как был задержан.

Она также заявила, что властями не было расследовано её обвинение о том, что её муж подвергся дурному обращению.

137. В своих объяснениях, поданных после признания Судом жалобы приемлемой, заявительница заявила, что она не настаивает на рассмотрении Судом её жалобы по статье 3 Конвенции в отношении её мужа.

138. Правительство утверждало, что не имеется доказательств, подтверждающих, что г-н Султан Исаев подвергся обращению, запрещенному статьёй 3 Конвенции. По его мнению, расследованием не были нарушены требования данного положения.

2. Оценка Суда

139. Учитывая объяснения заявительницы, поданные после признания Судом жалобы приемлемой, Суд не считает необходимым рассматривать жалобу по статье 3 Конвенции в отношении г-на Султана Исаева.

А. Предполагаемое нарушение статьи 3 в отношении заявительницы

1. Доводы сторон

140. Заявительница также утверждала, что она подверглась жестокому моральному страданию, относящемуся к сфере действия статьи 3 Конвенции, по причине безразличия государства к исчезновению её мужа и продолжающегося неинформирования её о ходе расследования.

141. Правительство утверждало, что не имеется доказательств того, что заявительница подверглась обращению, запрещенному статьёй 3 Конвенции.

2. Оценка Суда

142. Суд повторяет, что решение вопроса о том, является ли член семьи «исчезнувшего лица» жертвой обращения, противоречащего статье 3, зависит от существования специальных факторов, которые придают страданиям заявителя измерение и характер, отличные от эмоционального стресса, который неизбежно испытывают родственники жертвы серьёзного нарушения прав человека. Среди таких элементов – близость семейных связей, особые обстоятельства отношений, в какой степени член семьи был свидетелем соответствующих событий, участие члена семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем лице и то, как власти отвечали на эти запросы. Суд далее подчеркивает, что сущность такого нарушения в основном заключается не в факте «исчезновения» члена семьи, а скорее затрагивает реакцию властей и их отношение к ситуации, когда о ней им было сообщено. В особенности в этом случае родственник может утверждать, что является прямой жертвой действий властей (см. постановление от 18 июня 2002 года по делу «Орхан (*Orhan*) против Турции», №25656/94, п. 358, и постановление от 21 июня 2007 года по делу «Битиева (*Bitiyeva*) и Икс (*X*) против России», №№57953/00 и 37392/03, п. 152).

143. В настоящем деле Суд отмечает, что заявительница является женой пропавшего лица, г-на Султана Исаева. Более шести лет у неё нет никаких известий от него. В течение этого периода заявительница обращалась в разные органы власти с запросами о своём муже, как письменно, так и лично. Несмотря на свои попытки, заявительница так и не получила никакого правдоподобного объяснения либо

информации о том, что произошло с её мужем после его задержания 29 апреля 2001 года. Ответы, полученные заявительницей, в основном отрицали ответственность государства за его арест либо просто сообщали ей о том, что расследование продолжается. Вывод Суда относительно процедурного аспекта статьи 2 также имеет к этому прямое отношение (см. выше, пункты 131-134).

144. В качестве дополнительного элемента, усилившего страдания заявительницы, Суд отмечает необоснованный отказ властей предоставить ей статус потерпевшей (см. выше, параграф 132), а также скудность информации о расследовании, получаемой ею при прохождении делом национальных инстанций и отсутствие доступа к материалам дела даже в ходе производства по делу в Суде. Из этого следует, что неосведомленность заявительницы о судьбе г-на Султана Исаева была усилена её исключением из наблюдения за ходом расследования.

145. С учётом вышеизложенного Суд полагает, что заявительнице были причинены и продолжают причиняться стресс и страдания в результате исчезновения её мужа и того, что она не может узнать, что с ним случилось. То, как её жалобы рассматривались властями, должно быть признано бесчеловечным обращением, противоречащим статье 3.

146. Таким образом, Суд приходит к выводу о том, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявительницы.

IV. ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

147. Заявительница утверждала, что г-н Султан Исаев подвергся непризнанному задержанию, в нарушение принципов, определенных статьёй 5 Конвенции, которая предусматривает:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

(a) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;

(b) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

(c) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

(d) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;

(e) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

(f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче.

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию».

148. Правительство утверждало, что не получено доказательств, подтверждающих, что муж заявительницы был задержан в нарушение гарантий, изложенных в статье 5 Конвенции. Г-н Султан Исаев не был перечислен в списках лиц, находящихся в местах содержания под стражей.

149. Заявительница утверждала, что задержание г-на Султана Исаева не соответствовало ни одному из условий, изложенных в статье 5 Конвенции, не имело основы в национальном праве и не соответствовало процедуре, установленной законом либо не было формально зарегистрировано.

150. Суд ранее отмечал фундаментальную важность гарантий, содержащихся в статье 5, для обеспечения прав индивидов в демократии быть свободными от произвольного задержания. Он также заявлял, что непризнанное задержание является полным отрицанием этих гарантий и представляет собой тяжкое нарушение статьи 5 (см. постановление от 27 февраля 2001 года по делу «Чичек (*Çicek*) против Турции», №25704/94, п. 164, и «Лулуев», приведено выше, п. 122).

151. Суд посчитал установленным, что г-н Султан Исаев был задержан государственными военнослужащими 29 апреля 2001 года в ходе специальной операции в Алхан-Кале, и с тех пор его никто не видел. Факт его задержания не был отмечен ни в каких официальных документах, и не существует никакого официального следа его последующего местонахождения или судьбы. В соответствии с практикой Суда, этот факт сам по себе должен рассматриваться как наиболее серьезное нарушение, так как оно позволяет лицам, несущим ответственность за этот факт лишения свободы, скрыть своё участие в преступлении, замести следы и избежать привлечения к ответственности за судьбу задержанного. Более того, отсутствие письменных данных о задержанных, включающих такие данные, как дата, время и место задержания и имя задержанного, а также причины задержания и имя лица, осуществившего его, должно рассматриваться как несовместимое с самим предназначением статьи 5 Конвенции (см. «Орхан», приведено выше, п. 371).

152. Суд также полагает, что властям следовало с большим вниманием отнестись к необходимости тщательного и своевременного расследования жалоб заявительницы относительно того, что её муж был задержан и увезен при обстоятельствах, угрожающих жизни. Вместе с тем, вышеизложенные выводы Суда в отношении статьи 2 и, в частности, о ходе расследования не оставляют сомнений в том, что властями не были приняты тщательные и своевременные меры по защите г-на Султана Исаева от риска исчезновения.

153. Соответственно, Суд считает, что г-н Султан Исаев подвергся непризнанному задержанию без предоставления каких-либо гарантий, содержащихся

в статье 5. Из этого следует, что имело место нарушение права на свободу и личную неприкосновенность, закрепленного в статье 5 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

154. Заявительница также выдвинула обвинение о том, что у неё не имелось доступа к суду, в нарушение п.1 статьи 6 Конвенции, так как она не могла подать гражданско-правовой иск о возмещении вреда, причиненного исчезновением её мужа, так как расследование не дало никаких результатов. П.1 статьи 6 Конвенции, в соответствующей части, предусматривает:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое... разбирательство дела... судом...»

1. Доводы сторон

155. В своих объяснениях, поданных перед вынесением Судом решения о приемлемости жалобы, заявительница ссылаясь на то, что до окончания расследования у неё не имелось возможности требовать в судебном порядке компенсации вреда, причиненного незаконным задержанием её мужа, что, по её мнению, нарушает её право на доступ к суду по п.1 статьи 6 Конвенции.

156. В своих объяснениях, поданных после признания Судом жалобы приемлемой, заявительница заявила, что она не настаивает на рассмотрении Судом её жалобы по статье 6 Конвенции.

157. Правительство утверждало, что у заявительницы имелся доступ к суду, как то требуется п.1 статьи 6 Конвенции.

2. Оценка Суда

158. Учитывая объяснения заявительницы, поданные после признания Судом жалобы приемлемой, Суд не считает необходимым рассматривать жалобу по статье 6 Конвенции.

VI. ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ СО СТАТЬЯМИ 2, 3 и 5

159. Заявительница жаловалась на то, что у неё не было эффективного средства правовой защиты в отношении предполагаемых нарушений статей 2, 3 и 5 Конвенции. Она сослалась на статью 13 Конвенции, которая предусматривает:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в... Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

160. Правительство не согласилось. Оно указало, что у заявительницы имелся доступ к эффективным средствам правовой защиты, как это требуется статьёй 13 Конвенции. Им было указано, что заявительница получила мотивированные ответы на все свои запросы относительно хода расследования и надлежащим образом информировалась обо всех постановлениях о приостановлении и возобновлении расследования.

161. Заявительница настаивала на том, что в её деле обычно доступные внутригосударственные средства правовой защиты оказались неэффективными,

учитывая, что расследование продолжается около шести лет, не дав никаких результатов, ей не был предоставлен статус потерпевшей, а все её обращения в органы власти остаются без ответа либо приводят лишь к даче стандартных отписок.

162. Суд повторяет, что статья 13 Конвенции гарантирует доступность на национальном уровне средства правовой защиты для реализации существа конвенционных прав и свобод, в какой бы форме они бы ни защищались в национальном правовом порядке. Учитывая фундаментальную важность права на защиту жизни, статья 13 требует, помимо выплаты в соответствующих случаях компенсации, осуществления тщательного и эффективного расследования, способного привести к установлению и наказанию лиц, виновных за лишение жизни и причинение обращения, противоречащего статье 3, включая эффективный доступ лица, подавшего жалобу, к следственной процедуре, ведущей к установлению и наказанию виновных лиц (см. «Ангуелова (*Anguelova*) против Болгарии», №38361/97, пп. 161-162, ECHR 2002-IV; постановление от 28 октября 1998 года по делу «Ассенов (*Assenov*) и другие»⁴, Сборник 1998-VIII, стр. 3293, п. 117; и постановление от 24 мая 2005 года по делу «Сюхейла Айдин (*Süheyla Aydin*) против Турции», №25660/94, п. 208). Суд далее повторяет, что требования статьи 13 шире, чем обязательство Договаривающихся Государств по статье 2 осуществлять эффективное расследование (см. «Орхан», приведено выше, п. 384, и «Хашиев (*Khashiyev*) и Акаева (*Akayeva*)», приведено выше⁵, п. 183).

163. В свете вышеизложенных выводов Суда относительно статьи 2, эта жалоба явно является «обоснованной» для целей статьи 13 (см. постановление от 27 апреля 1988 года по делу «Бойль (*Boyle*) и Райс (*Rice*) против Великобритании», Серии А №131, п. 52). Соответственно, для целей статьи 13 заявительнице должна была быть предоставлена возможность воспользоваться эффективными и практически действующими средствами правовой защиты, способными привести к установлению и наказанию виновных лиц и присуждению компенсации.

164. Из обстоятельств настоящего дела, когда уголовное расследование исчезновения и смерти лица являлось неэффективным, а эффективность любого иного средства правовой защиты, которое могло существовать, включая гражданско-правовые средства правовой защиты, предложенные Правительством, была подорвана, следует, что государством не была выполнена его обязанность по статье 13 Конвенции.

165. Соответственно, имело место нарушение статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьёй 2 Конвенции.

166. Что касается ссылки заявительницы на статью 3 Конвенции, Суд отмечает, что им установлено нарушение данного положения в связи с моральными страданиями заявительницы в результате исчезновения её мужа, того, что она не могла узнать, что случилось с ним, и того, как власти обращались с её жалобами. Вместе с тем, Суд уже установил нарушение статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьёй 2 Конвенции относительно поведения властей, приведшего к причинению

⁴ Против Болгарии (прим. переводчика)

⁵ Имеется в виду постановление от 24 февраля 2005 года по делу «Хашиев и Акаева против России», №№57942/00, 57945/00 (прим. переводчика).

страданий заявительнице. Суд полагает, что при данных обстоятельствах не возникает отдельного вопроса по статье 13 во взаимосвязи со статьёй 5 Конвенции⁶.

167. Что касается ссылки заявительницы на статью 5 Конвенции, Суд отмечает, что, согласно его устоявшейся практике, более подробные гарантии пп. 4 и 5 статьи 5, являющиеся нормами специального характера в отношении статьи 13, поглощают её требования (см. решение о приемлемости от 9 мая 2006 года по делу «Димитров (*Dimitrov*) против Болгарии», №55861/00), и в свете вышеизложенных выводов о нарушении статьи 5 Конвенции в связи с непризнанным задержанием г-на Султана Исаева Суд полагает, что в обстоятельствах настоящего дела не возникает отдельного вопроса по статье 13 во взаимосвязи со статьёй 5 Конвенции.

VII. СОБЛЮДЕНИЕ СТАТЬИ 34 И ПОДПУНКТА «а» ПУНКТА 1 СТАТЬИ 38 КОНВЕНЦИИ

168. Заявительница утверждала, что непредставление Правительством документов, запрошенных Судом на стадии коммуникации представляет собой неисполнением им своих обязательств по статье 34 и подп. «а» п.1 статьи 38 Конвенции. Соответствующие части этих статей устанавливают:

Статья 34

«Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

Статья 38

«1. Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он:

а) продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет исследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого заинтересованные Государства создают все необходимые условия;

...»

169. Заявительница предложила Суду сделать вывод о том, что Правительство не исполнило свои обязательства по статье 38, отказавшись предоставить документы из материалов уголовного дела в ответ на запросы Суда на стадии коммуникации. По её мнению, рассмотрев таким образом запрос Суда о предоставлении документов, Правительство дополнительно не выполнило свои обязательства по статье 34.

170. Правительство повторило, что предоставление материалов дела противоречило бы статье 161 Уголовно-процессуального кодекса. Оно также заявило, что ранее направленные в Суд документы содержали информацию относительно процессуальных шагов, сделанных следствием, достаточную для рассмотрения дела.

171. Суд повторяет, что рассмотрение определенных типов жалоб не во всех случаях предполагает тщательное применение принципа, согласно которому лицо, утверждающее что-либо, должно подтвердить это утверждение, и что чрезвычайно важным для эффективного функционирования системы индивидуальных жалоб,

⁶ Так в тексте постановления; видимо, речь идёт об отсутствии отдельного вопроса о нарушении статьи 13 во взаимосвязи со статьёй 3 Конвенции (прим. переводчика)

созданной в соответствии со статьёй 34 Конвенции, является создание государствами всех необходимых условий для того, чтобы сделать возможным надлежащее и эффективное рассмотрение жалоб.

172. Эта обязанность требует, чтобы Договаривающиеся Государства создавали все необходимые условия для работы Суда, как при осуществлении миссии по установлению фактов, так и при выполнении им своих общих обязанностей в отношении рассмотрения жалоб. Производству по делам такого типа, когда индивидуальные заявители обвиняют представителей государства в нарушении их прав по Конвенции, свойственно, что в определенных случаях только государство-ответчик имеет доступ к информации, способной подтвердить либо опровергнуть эти обвинения. Непредставление Правительством такой информации, находящейся в его распоряжении, без удовлетворительного объяснения может не только привести к тому, что будет сделан вывод об обоснованности обвинений заявителя, но также может негативно сказаться на уровне исполнения государством-ответчиком своих обязательств по подп. «а» п.1 статьи 38 Конвенции. По делу, когда жалоба затрагивает вопросы эффективности расследования, материалы уголовного дела принципиально важны для установления фактов, и их отсутствие может оказать отрицательное воздействие на надлежащее рассмотрение Судом жалобы как на стадии приемлемости, так и на стадии рассмотрения по существу (см. «Танрикулу», приведено выше, п. 70).

173. Суд отмечает, что он несколько раз запросил у Российского Правительства предоставления копии материалов уголовного дела, возбужденного в связи с исчезновением мужа заявительницы. Доказательства, имеющиеся в деле, были признаны Судом ключевыми для установления фактов по настоящему делу. Суд также повторяет, что он считает неадекватными причины, приведенные Правительством в обоснование своего отказа предоставить запрошенные документы (см. выше, параграф 115).

174. Ссылаясь на важность оказания Правительством-ответчиком содействия в ходе осуществления конвенционного судопроизводства и имея в виду сложности, связанные с установлением фактов по делам такого рода, Суд считает, что Правительство не выполнило свои обязательства по п.1 статьи 38 Конвенции, не предоставив копии документов, запрошенных в связи с исчезновением г-на Султана Исаева.

175. На основании вышеизложенного Суд считает, что не возникает отдельных вопросов по статье 34.

VII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

176. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Материальный ущерб

177. Заявительница требовала возмещения вреда в отношении потерянного заработка г-на Султана Исаева с момента его ареста и последующего исчезновения.

Она требовала выплаты 849664 российских рублей (примерно 24260 евро) по данному основанию.

178. Она утверждала, что хотя её муж был временно безработным в то время, согласно национальному законодательству она и её дети имели бы право на компенсацию потери дохода, причиненного смертью кормильца, являющегося безработным на соответствующий период времени, в размере, равном пяти минимальным размерам оплаты труда. Заявительница предоставила расчеты на срок до 2021 года, когда её младшая дочь достигнет совершеннолетия.

179. Правительство заявило, что данное требование является чрезмерным и основанным на предположениях.

180. Суд указывает, что должна существовать ясная причинно-следственная связь между ущербом, компенсации которого требует заявитель и который в соответствующих делах может включать компенсацию за потерю заработка, и нарушением Конвенции (см., среди других прецедентов, «Чакичи», приведено выше). Учитывая вышеизложенные выводы, в самом деле существует прямая причинно-следственная связь между нарушением статьи 2 в отношении мужа заявительницы и потерей заявительницей финансовой поддержки, которую он ей оказывал. Суд считает, что потеря заработка также применима в отношении иждивенцев и считает разумным предположить, что муж заявительницы имел бы в конце концов определённый заработок, которым бы пользовалась заявительница. Учитывая объяснения заявительницы, Суд присуждает ей 15000 евро в виде компенсации материального ущерба, плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы.

Б. Моральный вред

181. Заявительница требовала присуждения 80000 евро в качестве компенсации морального вреда за страдания, которым она подверглась в результате потери своего мужа, безразличия, проявленного властями в отношении неё, и непредставления ей никакой информации о судьбе её родственника.

182. Правительство сочло требуемую сумму чрезмерной.

183. Суд установил нарушение статей 2, 5 и 13 Конвенции по причине непризнанного задержания и смерти мужа заявительницы. Сама заявительница была признана жертвой нарушения статьи 3 Конвенции в отношении эмоционального стресса и мучений, которым она подверглась. Более того, Суд установил, что Правительство не выполнило п.1 статьи 38 Конвенции, не предоставив копии документов, запрошенных в отношении исчезновения мужа заявительницы. Суд таким образом принимает, что заявительнице был причинен моральный вред, который не может быть компенсирован исключительно установлением нарушений. Он присуждает заявительнице 35000 евро, плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы.

В. Судебные расходы и издержки

184. Заявительницу представляла организация SRJI, представивший таблицу понесённых расходов и издержек, которые включают исследование и проведение собеседований в Ингушетии и Москве, по ставке 50 евро в час, а также подготовку юридических документов, представленных в Суд и внутригосударственным властям,

по ставке 50 евро в час для юристов SRJI и 150 евро в час для старших сотрудников SRJI. Обобщенные требования в отношении судебных расходов и издержек, связанных с представлением интересов заявительницы, составили 14739,25 евро, что включает:

- 125 евро за подготовку документов, представленных внутригосударственным органам власти в связи с настоящим делом;
- 6750 евро за подготовку первоначальной жалобы;
- 290 евро за перевод первоначальной жалобы;
- 6900 евро за подготовку и перевод дополнительных объяснений, включая ответ заявительницы на объяснения Правительства;
- 220.87 евро за почтовые расходы;
- 964.25 евро (составляющие 7% от гонорара) за административные расходы, такие как телефонные звонки, пользование факсом и электронной почтой, фотокопирование, закупка бумаги и прочее.

185. Правительство не оспаривало детали расчётов, представленных заявительницей, но утверждало, что сумма является избыточной, принимая во внимание средние гонорары адвокатов в России. Им также было отмечено, что заявительницей не были приложены никакие документы в подтверждение запрошенной суммы.

186. Согласно практике Суда, заявитель имеет право на возмещение своих расходов и издержек только в том размере, в каком будет показано, что они были действительно и необходимо понесены и являлись разумными в отношении размера (см. «МакКанн и другие», приведено выше, п. 220).

187. Суд отмечает, что в соответствии с договором, заключенным заявительницей в октябре 2006 года, она согласилась выплатить представителю SRJI судебные расходы и издержки, понесенные в результате представительства её интересов в Суде, при условии вынесения Судом окончательного постановления по настоящей жалобе и выплаты Российской Федерацией тех судебных расходов, которые будут присуждены Судом. Заявительница приложила счёт SRJI на сумму 14739.25 евро с почасовой разбивкой, счет за оказание переводческих услуг и счета DHL в отношении переписки с Судом. Приняв во внимание ставки за работу юристов и старших сотрудников SRJI, Суд удовлетворен тем, что эти ставки являются разумными и отражают действительно понесенные заявительницей расходы, связанные с оказанием ей юридических услуг. Он также удовлетворен тем, что услуги по переводу и почтовой доставке, подтвержденные соответствующими документами, были действительно оплачены. Вместе с тем, никаких документов не было приложено в подтверждение суммы, требуемой за административные расходы.

188. Более того, Суд должен установить, были ли расходы и издержки, понесенные при осуществлении юридического представительства, необходимыми и разумными. Суд отмечает, что данное дело являлось относительно сложным и требовало значительного объёма исследований и подготовки. Вместе с тем, он отмечает, что по делу имелось очень мало документальных доказательств, учитывая, что Правительство отказалось предоставить материалы дела. Таким образом, Суд сомневается, что исследование было действительно необходимо в размере, заявленном представителем.

189. Учитывая подробности требований, предъявленных заявительницей и действуя на основе справедливости, Суд присуждает ей 8000 евро, за вычетом 715 евро, полученных от Совета Европы в качестве частичной компенсации расходов, связанных с ведением дела, вместе с любым налогом на добавленную стоимость, который может быть взыскан.

Г. Выплата процентов

190. Суд считает, что процентная ставка за просрочку должна основываться на средней кредитной ставке Европейского центрального банка, к которой должны быть прибавлены три процентных пункта.

ПО УКАЗАННЫМ ВЫШЕ ПРИЧИНАМ, СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Отклоняет* предварительное возражение Правительства;
2. *Устанавливает*, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в отношении г-на Султана Исаева;
3. *Устанавливает*, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в отношении неосуществления эффективного расследования обстоятельств, при которых исчез г-н Султан Исаев;
4. *Устанавливает*, что нет необходимости в рассмотрении жалобы по статье 3 Конвенции в отношении г-на Султана Исаева;
5. *Устанавливает*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявительницы;
6. *Устанавливает*, что имело место нарушение статьи 5 Конвенции в отношении г-на Султана Исаева;
7. *Устанавливает*, что нет необходимости в рассмотрении жалобы по статье 6 Конвенции;
8. *Устанавливает*, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции в отношении предполагаемого нарушения статьи 2 Конвенции;
9. *Устанавливает*, что не возникает отдельных вопросов по статье 13 Конвенции в отношении предполагаемых нарушений статей 3 и 5;
10. *Устанавливает*, что имело место невыполнение подп. «а» п.1 статьи 38 Конвенции в том, что Правительство отказалось предоставить документы, запрошенные Судом;
11. *Устанавливает*, что не возникает отдельного вопроса по статье 34 Конвенции;
12. *Устанавливает*
 - а) что государство-ответчик должно выплатить заявительнице, в течение трёх месяцев со дня, когда постановление станет окончательным в соответствии с п.2 статьи 44 Конвенции, следующие суммы, которые должны быть конвертированы в российские рубли по курсу на день выплаты:
 - i) 15,000 (пятнадцать тысяч) евро за материальный ущерб;

ii) 35,000 (тридцать пять тысяч) евро за моральный вред;

iii) 7,285 (семь тысяч двести восемьдесят пять) евро за расходы и издержки, должны быть выплачены на банковский счет представителей заявительницы в Нидерландах;

iv) любой налог, который может быть взыскан с вышеуказанных сумм;

b) что по прошествии вышеуказанных трех месяцев вплоть до выплаты присужденной суммы должен также быть выплачен простой процент на вышеуказанные суммы по ставке, равной средней процентной ставке Европейского центрального банка в период просрочки, плюс три процентных пункта;

13. *Отклоняет* остальную часть требования заявительницы о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, сообщено в письменном виде 15 ноября 2007 года, в соответствии с пп. 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сёрен НИЛЬСЕН
Секретарь

Лукас ЛУКАИДЕС
Председатель